

Абрахам Маслоу МОТИВАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Перевод А.М.Татлыбаевой

Глава 2. ПРОБЛЕМНЫЙ И ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В НАУКЕ

В последние два десятилетия все чаще и чаще приходится слышать нарекания по адресу "официальной" науки. Однако, за исключением блестящего анализа, проведенного Линд (282), никто не поднимал вопроса об источниках этих недостатков. В данной главе я попытаюсь доказать, что многие ошибки и неудачи ортодоксальной науки и особенно психологии представляют собой результат технократического подхода к определению науки.

Говоря о технократическом подходе, я имею в виду весьма распространенный взгляд на науку, в соответствии с которым мера научности исследования определяется качеством технического оснащения, сложностью применяемых инструментов и оборудования, точностью методов и процедур, тогда как качество поднимаемых проблем, их соответствие функциям и целям науки остается вне рассмотрения. Именно технократизм превращает ученого-творца в инженера, терапевта, дантиста, лаборанта, стеклодува или техника, а провидца-первооткрывателя – в основоположника научного метода.

ПРИОРИТЕТ СРЕДСТВА НАД ЦЕЛЬЮ

Неизбежное стремление науки к изяществу, завершенности и техничности аргументации зачастую приводит к тому, что жизненно важные проблемы, проблемы огромной значимости остаются вне ее поля зрения, а креативность – невостребованной. Любой психолог, студент или кандидат наук прекрасно понимает, что я имею в виду. Эксперимент, выверенный с точки зрения методологии, сколь бы тривиальным он ни был, вряд ли вызовет критику. И наоборот, нестандартная постановка вопроса, проблема, не вписывающаяся в сложившиеся стереотипы методологии, может вызвать осуждение и критику коллег на том лишь основании, что ее невозможно "адекватно" исследовать. Сам жанр научной критики предполагает критику метода, процедуры, логики и тому подобных вещей. Я не припомню ни одной научной работы, в которой взгляды научного оппонента критиковались бы за тривиальность или бессодержательность.³

Общая тенденция развития науки такова, что проблематика диссертации чем дальше, тем меньше кого-либо волнует, – главным становится критерий "добротности". Другими словами, от соискателя научной степени уже не ожидают новых идей и вклада в науку. От него требуется поддержка господствующей методологии и умелое обращение с накопленными ею богатствами, никто не ждет от молодого человека свежих,

оригинальных идей. В результате армия "ученых" пополняется абсолютно бездарными, нетворческими людьми.

Спустившись с высот академической науки в школы и колледжи, мы обнаружим ту же тенденцию. В сознании школьника наука ассоциируется с техническими манипуляциями, с механическим воспроизведением алгоритмов, изложенных в учебнике. Он вынужден беспрекословно следовать указаниям учителей и заучивать открытые другими истины. Никто не удосуживается сообщить ему, что научный труд – это не только возня со сложной аппаратурой и чтение книг о науке.

Мне не хочется быть неверно истолкованным и потому постараюсь пояснить свою мысль. Я ни в коем случае не отрицаю значимости метода и методологии, однако, считаю нужным указать на серьезную опасность, угрожающую науке, на опасность отождествления средств и целей. Ведь только цель, к которой устремлено исследование, только его конечный результат позволяет нам судить о том, насколько верен тот или иной научный метод, насколько он надежен и валиден. Бесспорно, ученый обязан думать и о технической, методологической стороне своего исследования, но лишь потому, что правильно избранный метод вернее приближает его к поставленной цели. Забывая о цели своего исследования, ученый уподобляется одному из пациентов доктора Фрейда, который так часто и так тщательно протирал свои очки, что у него почти не оставалось времени воспользоваться ими и увидеть хоть что-нибудь вокруг.

Приоритет, отдаваемый в современной науке средствам, приводит к тому, что командные позиции занимают не исследователи-новаторы, а методологи, "технари", "инструментальщики". Хотя противопоставление этих двух каст ученых не абсолютно, есть все же некоторая разница между теми, кто знает, как делать, и теми, кто знает, что делать. Именно первые, которых всегда в избытке, становятся своего рода жрецами науки, блюстителями протокола и процедуры, носителями ритуала, церемонии. Еще вчера на них можно было не обращать серьезного внимания, но сегодня, когда наука стала активным участником внутренней и международной политики, эти люди становятся поистине опасными. Они опасны уже хотя бы потому, что "простому смертному", непрофессионалу легче понять "технаря", чем теоретика или творца.

Приоритет средств в ущерб целям увлекает науку на стезю мелочной квантификации, которая в конце концов может подменить собой истинные цели научного исследования и науки в целом. Эта опасность вполне реальна, поскольку наука, поднимающая на щит средство и недооценивающая цель, ради элегантности формы не пожалеет и содержания, а ради красоты формулировки не пощадит даже истину.

Ученому-"технарю" проще "подогнать" проблему под ту или иную методику и процедуру, чем подобрать методику, наиболее адекватную поднятой проблеме. Первый вопрос, который он задает себе, звучит примерно так: "Какие проблемы можно исследовать с помощью методик, которыми я владею?", в то время, как ему следовало бы спросить себя: "Какие из существующих проблем наиболее важны, какие требуют безотлагательного решения, каким из них я должен посвятить свои силы и время?" Чем можно оправдать тот факт, что большинство ученых так и остаются заурядными

"технарями", всю свою жизнь посвящают несущественным частностям, не покидая пределов когда-то избранной области деятельности, границы которой жестко определены, но определены не основополагающими проблемами мироздания, а лимитами аппаратуры, технического оснащения?4 Множество ученых нашли свое призвание на ниве таких наук как "зоопсихология" или "статистическая психология", и это уже ни у кого не вызывает ни удивления, ни улыбки, а между тем сам факт существования этих дисциплин нелеп и абсурден. Ведь это означает, что есть психологи, которые не возьмутся за исследование проблемы, даже самой насущной, самой важной, если она не связана с животными или со статистикой. Это напоминает мне старый анекдот про пьяницу, который искал свой кошелек не там, где потерял его, а под уличным фонарем, потому что "под фонарем светло", или другой анекдот – про врача, который всем своим пациентам ставил диагноз "грыжа", поскольку был специалистом по лечению грыжи.

Приоритет средства над целью порождает оценку наук с точки зрения их "научности", в результате чего физика, например, считается более "научной", чем биология, а биология стоит выше психологии, а последняя, в свою очередь, ценится выше социологии. Столь малоперспективная и пагубная иерархия возможна только в том случае, если счесть, что наука подлежит оценке с точки зрения ее результативности, лаконичности ее формулировок и точности используемых ею методов. При проблемном подходе такая иерархия просто невозможна, потому что вряд ли кто-нибудь возьмет на себя смелость заявить, что проблемы безработицы, расовой дискриминации или любви менее важны, чем изучение звезд, кальция или функционирования почки?

Приоритет средства над целью приводит к чрезмерному дроблению науки, возводит непреодолимые барьеры между отдельными ее областями. Когда Жака Лоэба спросили, кто же он, в конце концов, – невролог, химик, физик, психолог или философ, – он ответил: "Я исследователь, я решаю проблемы". Вот образец настоящего ученого! Мы можем только мечтать о том, чтобы все ученые приняли образ мыслей Лоэба. Подобный образ мышления принес бы большую пользу науке, но он, к сожалению, невозможен до тех пор, пока господствует философия, которая заставляет ученого становиться техником, экспертом, человеком знающим, философия, которая не востребует таланты человека ищущего.

Если бы каждый ученый сегодня осознал, что его предназначение состоит в том, чтобы формулировать вопросы и искать на них ответы, мы совершили бы огромный прорыв, мы вышли бы на новые научные рубежи и приступили бы к решению важнейших и безотлагательных психологических и социальных проблем. Почему научная мысль почти не движется в этом направлении? Как получилось, что на сто ученых, занимающихся вопросами физики и химии, приходится только десяток исследователей, посвятивших себя изучению психологических проблем? Что лучше для человечества – заставить тысячи лучших умов трудиться над усовершенствованием смертоносного оружия (или над выведением еще одного штамма пенициллина) или подтолкнуть к решению проблем национализма, эксплуатации, психотерапевтических проблем?

Приоритет средства над целью делает все более непреодолимой пропасть,

разделяющую ученых и других людей, столь же взыскующих истины, мешает объединить возможности различных методов поиска истины и понимания. Если мы согласимся с тем, что наука – это поиск истины, проникновение в сущность вещей, стремление к пониманию их глубинного естества, озабоченность самыми насущными проблемами, то станет очевидно, что ученые, поэты, художники и философы призваны исполнять одни и те же функции.⁵ Часто получается так, что ученый и поэт ищут ответ на один и тот же вопрос. Нам еще предстоит определить, в чем, на самом деле, объективно заключается различие между поэтическим и научным методами познания, между поэтическими и научными техниками исследования реальности. Однако наука, судя по ее сегодняшнему состоянию, только выиграла бы, если бы пропасть, отделяющая ныне ученого от поэта и философа, постепенно сужалась. Приоритет, отдаваемый средствам, предопределяет существование двух непересекающихся вселенных – вселенных поэтического и научного бытия, он не оставляет поэту и ученому надежды на встречу. При проблемном подходе к науке, напротив, сотрудничество мыслителя и художника возможно и неизбежно. Чтобы убедиться в правоте этого тезиса, достаточно перечитать биографии великих ученых. Многие из них объединяли в себе таланты художника и поэта, свое научное вдохновение, свои гениальные догадки они предпочитали черпать не из работ своих коллег, но из окружающей их повседневности и из трудов философов.

ПРИОРИТЕТ СРЕДСТВ И ДОГМАТИЗМ В НАУКЕ

Приоритет средств неизбежно порождает научный догматизм, который тут же объявляет войну еретикам. Научные проблемы не так-то просто сформулировать, подвергнуть классификации и упорядочиванию. Разрешенная проблема перестает быть проблемой, она становится методом или техникой, а та, что еще не сформулирована – почти что и не существует. Получается так, что формулировать и классифицировать мы можем лишь методы и техники, порожденные разрешенными когда-то проблемами, таким классификациям мы присваиваем гордое звание "законов научной методологии". Канонизированные, загнанные в прокрустово ложе исторических традиций, эти "законы" не только не помогают исследователю, но и связывают его по рукам и ногам. Они становятся непреложными истинами для заурядного, нетворческого, конвенционального, робкого ученого; такому ученому проще подступаться к решению встающих перед ним проблем именно так, как предписано догмами.

Догматизм особенно опасен в психологии и в социальных науках, где "научность" обозначает использование методов и техник, заимствованных из естественных наук. Именно догматизм подталкивает многих психологов и социологов снова и снова пользоваться апробированными, чаще всего изжившими себя методиками, вместо того, чтобы направить свои усилия на разработку новых методов, более отвечающих насущным требованиям нынешнего этапа развития психологии, далеко ушедшей от проблем естественных наук. Традиции в науке – весьма сомнительное благо, догматизм и слепое следование традициям наносит науке несомненный вред.

Опасность догматизма в науке

Основная опасность догматизма в науке состоит в том, что он препятствует обновлению методологии научного познания. Законы научной методологии, однажды сформулированные, становятся беспрекословной догмой для законопослушного ученого.

Применение оригинального метода, попытка нестандартного решения проблемы вызывает подозрение и, как правило, встречается в штыки, – так было с психоанализом, с гештальттерапией, с тестом Роршаха. Подозрительность и враждебность, по-видимому, неизбежны до тех пор, пока не будет создана стройная, целостная система логических и статистических процедур и техник, столь необходимая сегодня психологии и социологии.

Открытие, как правило, бывает результатом совместных усилий, сотрудничества множества людей. Лишь в коллективе ученый, не одаренный выдающимся талантом, может способствовать постижению истины. Если же сотрудничество невозможно, если оно не может устоять под натиском враждебности и подозрительности, наука останавливается в своем развитии, она вынуждена ждать появления какого-нибудь гиганта, гения, способного в одиночку поднять проблему. Однако гению не стоит рассчитывать на помощь своих догматичных коллег. Гениальность – удел избранных, она неизбежно вступает в противоречие с ровным, поступательным развитием ортодоксальной науки. Потому ученые-догматики, как полноправные хозяева науки, встречают в штыки любую мало-мальски новаторскую, еретическую идею, преследуют и загоняют в подполье настоящих ученых-творцов. Непризнанному гению остается лишь ждать той счастливой поры, когда его идеи будут все-таки восприняты широкой научной общественностью, когда он сможет выйти из подполья, чтобы установить в науке власть своих догм.

Другая, возможно еще более серьезная опасность догматизма, взращенного на чрезмерном внимании к средствам, состоит в том, что он все больше и больше ограничивает юрисдикцию науки. Догматизм не только тормозит развитие новых научных методов, он становится непреодолимым препятствием для ученого, стремящегося сформулировать новую проблему. Догматизм апеллирует к тому, что новую проблему, нестандартно поставленный вопрос нельзя исследовать с помощью апробированных методов и инструментов, мне часто приходилось слышать подобные заявления в отношении, например, ценностей, религии. Ученый, не нашедший в себе научного мужества противостоять этой бессмысленной логической парадигме, обречен на тщету и неуспех, именно этот надуманный концепт становится благодатной почвой для обвинений в "логической несообразности" и "ненаучности проблемы" – догматизм, по существу, отказывает человеку в праве задавать любые вопросы и искать ответы на них. Вся история развития науки показывает нам, что не имеет смысла браться за решение неразрешимой проблемы, в любом случае лучше говорить о проблемах, которые пока не нашли своего решения. Такая постановка вопроса, несомненно, побуждает нас к поиску, творчеству, изобретательности, тогда как подход, сформулированный в терминах нынешней ортодоксальной науки, вопросы типа: "Как применить этот метод (в том виде, в каком он известен ныне)?", напротив, заставляют нас признать собственную ограниченность, принуждают к добровольному отказу от познания важнейших человеческих проблем. Подобный взгляд на вещи может стать причиной самых невероятных и чрезвычайно опасных последствий. Я вспоминаю, как недавно на одном из научных конгрессов прозвучало скандальное предложение нескольких ученых-физиков о прекращении государственной поддержки психологических и социологических исследований. Они мотивировали свое предложение тем, что, по их

мнению, эти науки недостаточно "научны". В основе столь "революционной" идеи лежит гипертрофированное стремление к гладкости, полное непонимание "вопрошающего" характера науки, ее человеческой природы. Как должен я, психолог, понимать этот и подобные ему выпады коллег-физиков? Может, они считают, что я в своих исследованиях должен пользоваться методами их науки? Но физические методы вряд ли помогут мне найти ответы на мои вопросы. Каким же образом мне исследовать психологические проблемы? Или их не нужно исследовать вовсе? Или психологи должны отдать их на откуп теологам? Или же это заявление следует воспринимать просто как колкость, как насмешку? Может быть, имелось в виду, что психолог не столь умен, не столь образован, как физик? Но на чем основывается такое суждение? На личных впечатлениях? В таком случае я хочу поделиться с вами своим личным впечатлением: мне кажется, что дураки встречаются в психологии так же часто, как и в физике. А теперь давайте поспорим: чье впечатление в большей степени соответствует истине?

Боюсь, что единственным разумным объяснением подобного рода заявлений может быть тот факт, что в современной нам науке средству исследования, инструменту придается незаслуженно большое значение.

Догматичная наука, отдающая приоритет средствам, понуждает ученого к "осмотрительности и логичности в суждениях", вместо того, чтобы побуждать его на дерзновенность, толкать на новые исследования. Мы уже не удивляемся тому, что ученый шаг за шагом, сантиметр за сантиметром продвигается вдоль давно проложенных магистралей вместо того, чтобы решительно направиться в сторону неизведанных территорий, прокладывая новые дороги к еще не познанному. Ортодоксальная наука внушает ученому консервативное отношение к непознанному и отвращает от радикального. Ей не нужен ученый-завоеватель, ей нужен мирный фермер, обживающий уже завоеванные территории.⁶

Настоящий ученый обязан, хотя бы время от времени, бросаться в гущу непознанного, где нет сформулированных понятий и точных методов, а есть только хаос, туман, мистерия. Ученому "средства" этот путь заказан, но ученый "цели" должен знать дорогу туда, должен всегда быть готовым к опасному путешествию, как бы ни противилась тому строгая классная дама ортодоксальной науки.

Приоритет средств приводит к тому, что ученые 1) считают себя более объективными, чем они есть на самом деле, и менее субъективными, чем они есть на самом деле, 2) считают себя вправе не считаться с проблемой ценностей. Метод всегда нейтрален, проблема, напротив, предполагает некий этический компонент, проблема почти обязательно затрагивает сложнейшие вопросы человеческих ценностей. Ученый, отдающий приоритет методу, инструменту исследования в ущерб его цели, имеет возможность уклониться от решения щекотливой проблемы ценностей. Очень может быть, что одна из главных причин инструментальной ориентации сегодняшней науки, ее пресловутой объективности коренится именно в неосознаваемой тяге к свободе от ценностей.

И все-таки, как я уже говорил в предыдущей главе, науке никогда не удавалось и никогда не удастся достичь абсолютной объективности, ей никогда не суждено стать независимой от человеческих ценностей. Более того, я сомневаюсь, нужно ли ей стремиться к абсолютной объективности (может быть лучше сказать так – наука должна быть объективной ровно в той мере, в какой человек может быть объективным?) Все ошибки современной науки, перечисленные мною выше, имеют в своем основании нежелание признать несовершенство человеческой природы. Ученый муж в этом случае уподобляется невроту – он устремляется к "чистоте" и "объективности", он хочет видеть в себе только мыслителя, хочет забыть о своей человеческой природе, и в результате лишается психологического здоровья: но мало того, по иронии судьбы он к тому же становится и плохим мыслителем.

Воображаемая свобода от ценностей приводит ко все более смутному пониманию ценностных стандартов. Если бы ученые "средства" были предельно последовательными в своем отрицании цели (на что они не отваживаются, ощущая явную нелепость возможных последствий), наука оказалась бы не в состоянии отличить важный эксперимент от неважного, второстепенного. Мы могли бы рассуждать лишь о большей или меньшей степени технической грамотности эксперимента.⁷

Самое банальное и самое оригинальное исследование с точки зрения методологии могут выглядеть одинаково "хорошими", одинаково "добротными". На практике мы, разумеется, вряд ли поставим их на одну доску, но лишь потому, что при оценке научных исследований мы все же используем не только методологические критерии и инструментальные стандарты. Мы редко ошибаемся столь вопиющим образом, и все-таки мы можем ошибаться. Пролистайте первый попавшийся вам под руку научный журнал, и я думаю, что вы согласитесь со мной – нестоящее дело не заслуживает хорошего исполнения.

Если бы наука представляла собой просто свод правил и процедур, то чем бы она отличалась от шахмат, или от алхимии, от зубоврачебного дела, от науки о дамских зонтиках?⁸